

С позиции эффективности управления волонтерством молодежи в социальных проектах, последние могут считаться успешными, если молодые волонтеры планируют продолжать свое участие в подобных мероприятиях и далее. Методика опроса позволила действительно определить с этой позиции лучшие проекты, так как, отвечая на вопрос: «Хотели бы еще раз принять участие в таком проекте?», 91 % респондентов анализируемой группы дали однозначно положительный ответ.

Таким образом, в большинстве случаев молодежь Свердловской области с опытом добровольческого участия в качестве лучших, наиболее интересных и привлекательных выделяются масштабные проекты, традиционные социальные мероприятия и акции, реализующиеся системно и регулярно по всей стране. Молодежь Свердловской области в таких проектах чаще всего действительно помогает организаторам в качестве добровольцев, однако практически треть молодых людей и девушек, идентифицирующих себя как волонтеры, не вкладывает в эти мероприятия свои усилия, ограничиваясь пассивным участием. Лучшие социальные проекты с позиции молодежи вариативны. Чаще всего это акции и мероприятия, которые важны для конкретных людей, чуть реже для определенных организаций. Каждый четвертый проект представляет ценность для самой молодежи.

Библиографический список

1. Зубок Ю. А. Смысловые ценности в культурном пространстве молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4 (3). С. 3-13.
2. Зубок Ю. А. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. № 10 (4). С. 164-186.
3. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/>
4. Результаты всероссийского опроса волонтеров // Онлайн-университет социальных наук. Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/609426230/?page=1>

M. Pevnaya, D. Minchenko

THE BEST SOCIAL URBAN PROJECTS: OPINION OF THE YOUTH FROM THE SVERDLOVSK REGION

Abstract

Currently, the project technology is being actively implemented in the implementation of the state youth policy of the Russian Federation. Young people are willing to participate in social urban practices in the role of voluntary assistants. The article, based on the results of a questionnaire survey of young citizens of the Sverdlovsk region aged 14 to 24 years, implemented in 2020, identifies and describes successful and interesting social urban projects, identifies the roles performed directly by volunteers in events identified by the youth themselves as the best and most attractive.

Keywords: youth, voluntary activity, volunteerism, social projects, youth participation management.

УДК 159.99

П. М. Попов

ПРОФИЛАКТИКА КИБЕРАДДИКЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация

В статье представлены результаты исследований медиапотребления и киберугроз информационной безопасности детей. Осуществлен теоретический анализ отечественных и зарубежных практик профилактики кибераддикции в молодежной среде.

Ключевые слова: зависимость от компьютерных игр, кибераддикция, молодежная среда, профилактика интернет-зависимости, информационная безопасность детей.

В современных условиях тотальной цифровизации практически невозможно представить себе жизнь без компьютера, интернета и других информационных девайсов. Согласно статистическим данным, представленным Минкомсвязью России, высокоскоростной интернет уже в 2018 г. был доступен 75 % населения России. По прогнозам замглавы Минкомсвязи России А. Волина, опубликованным информационным агентством ТАСС, аудитория российского сегмента сети интернет в 2020 г. достигла отметки в 100 миллионов пользователей, весомую часть которых составляют дети и молодежь [1].

Основными киберугрозами информационной безопасности детей согласно результатам масштабного исследования, организованного Фондом развития интернета по Линии помощи «Дети онлайн» являются:

1. Контентные угрозы (призывы к экстремизму, самоубийству, нацизму, порнография, пропаганда вредных привычек и т.п.).

2. Коммуникационные угрозы (троллинг, кибертравля, кибербуллинг, различные формы сексуальных домогательств и т.п.).

3. Потребительские угрозы (онлайн мошенничество при покупке каких – либо товаров и услуг в сети интернет).

2. Технические угрозы (вирусные и вредоносные программы).

3. Угрозы формирования зависимости (кибераддикция, Web-серфинг, гемблинг, интернет-зависимость и т.п.).

Следует отметить, что согласно исследованию «Растим детей в эпоху Интернета», проведенному компанией Icon Kids&Youth по инициативе «Лаборатории Касперского», Россия находится в числе лидеров по доле пользователей, столкнувшихся с потенциально опасным контентом. Так в России каждый второй ребенок, в возрасте от 11 до 16 лет, имел дело с кибербуллингом, пропагандой насилия, расовой ненависти, информацией порнографического характера.

Одной из самых распространенных киберугроз в современных условиях является кибераддикция, проявляющаяся в зависимости от компьютерных игр. Согласно К. Young от 10 до 14 % играющих в компьютерные игры являются зависимыми. При этом у 25 % игроков возникновение зависимости наступает уже в первом полугодии, у 58 % во втором полугодии и у 17 % через год после первой пробы [2].

Система превентивных мер по предупреждению зависимости от компьютерных игр по большей части направлена на детей и молодежь, поскольку значительную часть игрового контента составляет именно эта возрастная группа. Согласно результатам опроса школьников и их родителей, проведенного «Лабораторией Касперского», опубликованного сетевым изданием «События», уже в начальной школе почти у 86 % детей есть свой смартфон или планшет и 99 % к 14 годам. Следует отметить, что 74 % детей испытывают привязанность к смартфону и сами осознают, что не могут обойтись без гаджетов. Сегодня 90 % родителей детей от 3 до 6 лет используют гаджеты для обучения и 56 % респондентов используют гаджеты, чтобы занять ребенка [3, 4]. Именно поэтому так важна организация профилактики кибераддикции на ранних стадиях онтогенеза.

В современной международной практике уже имеется положительный опыт профилактики кибераддикции на законодательном уровне. Несмотря на то, что первые упоминания кибераддикции как зависимости от компьютерных игр датированы началом 80-х годов XX в., зависимость от компьютерных онлайн игр была признана психиатрической номенклатуре, как расстройство психического здоровья и внесена в раздел III DSM-5 как проблема, требующая дальнейшего изучения лишь в 2013 г., а в МКБ-10 вообще не выделялась в самостоятельную рубрику. В 2018 г. кибераддикция все же была внесена в МКБ-11, что повлекло признание проблемы государствами участниками международных медико-санитарных правил. Однако вступление в законную силу классификатора назначено только на 1 января 2022 года.

Одними из первых на законодательном уровне кибераддикцию признали Китай, Южная Корея, Тайвань и другие представители Азиатско-Тихоокеанского региона. Такая тенденция обусловлена широким сегментом рынка гейминдустрии, его доступностью и пропорциональным ростом количества кибераддиктов в региональном формате. Так в Корее, где число зависимых от компьютерных игр перевалило цифру в 2 миллиона пользователей разработана государственная программа Nighttime Shutdown, направленная на борьбу с кибераддикцией по средствам возрастных ограничений, закрытия доступа к игровому контенту и снижению скорости интернета при длительной игре. Во Вьетнаме, например, введены жесткие ограничения для Интернет-провайдеров, не позволяющие геймерам осуществлять игровую деятельность в период с 10 вечера до 8 утра. В Китае, где по некоторым данным зависимыми являются порядка 13 % пользователей в рамках борьбы с кибераддикцией, открыты лагеря принудительного лечения. Согласно данным, представленным информационным агентством КНР «Синьхуа» Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей рассмотрен проект законодательной поправки, стимулирующей развитие технологий, предотвращающих Интернет-зависимость у молодежи. Согласно данной поправке, государство стимулирует создание программного обеспечения, прерывающего онлайн-игры через определенное время, что позволяет контролировать пространственно-временные рамки пребывания в сети [5].

На протяжении длительного времени в США и ЕС кибераддикция не признавалась заболеванием на официальном уровне, однако, профилактическая работа в данном направлении там ведется уже давно. Так в США и Великобритании реализуется профилактическая деятельность, направленная на воспитание медиаграмотности, что способствует снижению рисков возникновения зависимости и в целом обеспечению информационной безопасности детей. Проводятся дни безопасного интернета, создаются контактные центры горячей линии, awareness centers, устанавливается ограниченный доступ несовершеннолетних к потенциально опасному контенту, разрабатываются концепции информационной безопасности детей и т.п. Конгрессом США, например, еще в 2000 г. принят Закон «О защите детей в Интернете». В ЕС превалирующее значение имеет ст. 3 Договора о Европейском Союзе, на базе которой сформированы: программа «Безопасный Интернет», система возрастной классификации игр PEGI, агентство сетевой и информационной безопасности ENISA, система услуг по контент фильтрации «Чистая линия» и т.п. Во Франции действует запрет на посещение школ со смартфонами, а в Великобритании реализована стратегия информационной безопасности детей, концептуальной основой которой является повышение медиаграмотности и медиакомпетентности, посредством обучения, развития критического отношения, анализа, оценки и интерпретации медиа контента, как ключевой компетенции детей XXI века.

В отечественной законодательной практике понятие «кибераддикция» или «компьютерная игровая зависимость» как таковое не встречается вообще, однако, имеется более емкий термин «интернет зависимость», включающий широкий спектр проблем киберзависимого поведения, который в формате Российского нормативно-правового поля попадает под действие законодательства об обеспечении информационной безопасности детей и защиты от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Отсутствие закрепленного в нормативно-правовом поле термина и его конкретизации приводит к формализму и подмене понятий, в результате чего профилактика интернет зависимого поведения выпадает как объект нормативно-правового регулирования и сводится к обеспечению информационной безопасности детей и защите их от информации, причиняющей вред, что неприемлемо, поскольку данные проблемы имеют различные механизмы санации [6, 7].

Впервые в отечественной законодательной практике профилактика интернет зависимости упоминается в Указе Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Постановка задач, принципов и механизмов реализации, заложенных в Национальной стратегии, создавала потенцию

формирования фундамента активной социальной политики в интересах детей, семей и в целом государства. Однако анализ результатов реализации Национальной стратегии, согласно И. Е. Калабихиной, свидетельствует о формальности, заложенных в нее идей так и оставшихся на уровне рекомендаций [8].

В рамках реализации Национальной стратегии Правительством РФ был утвержден План первоочередных мероприятий до 2014 г. от 15.10.2012 N 1916-р и План мероприятий на 2015–2017 гг. от 5.02.2015 N 167-р. План первоочередных мероприятий до 2014 г. не включал мер по профилактике интернет зависимости, однако они нашли свое отражение в пункте № 32 Плана мероприятий на 2015–2017 гг., который включал «разработку и реализацию комплекса мер по раннему выявлению и профилактике аддиктивного и девиантного поведения детей и молодежи (алкоголизм, табакокурение, потребление ПАВ, суицидальное поведение, интернетзависимость, агрессивное и опасное для жизни и здоровья поведение)» Необходимо понимать, что профилактика интернет зависимости, на тот момент еще не признанная заболеванием на официальном уровне, значительно уступала позиции химическим видам зависимости и необходимости санации, аддиктивного, девиантного и суицидального поведения, в результате чего не получала должного внимания.

Согласно докладу Минтруда «О реализации Десятилетия детства в России в 2019 году» в рамках обеспечения информационной безопасности детей было проведено совершенствование нормативно-правовой базы, организована система контент-фильтрации, опубликованы методические рекомендации, приняты региональные программы, направленные на контроль производства и оборота информационной продукции для детей и т.п. Однако лишь в ряде регионов проводились мероприятия, непосредственно направленные на профилактику интернет-зависимости.

Важным законодательным актом является Концепция информационной безопасности детей от 02.12.2015 № 2471-р, в которой раскрываются основные принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики в данной сфере. В рамках реализации Концепции информационной безопасности детей Приказом Минкомсвязи России утвержден план мероприятий на 2018–2020 гг. N 88 от 27.02.2018. Широкий спектр ответственных исполнителей плана, включающий помимо Минкомсвязи России, Минздрав, Минобрнауки, Минэкономразвития, Минпромторг, Роспотребнадзор и Роскомнадзор России, структуры МВД, ФНС, МЧС и ФСБ России, ФГУП «Почта России», Временную комиссию Совета Федерации по развитию информационного общества и органы исполнительной власти субъектов РФ, свидетельствует о значимости и масштабности заплавленных мероприятий.

Основополагающим нормативно-правовым актом в области защиты детей от информации является ФЗ № 436-ФЗ от 29.12.2010 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Несмотря на то, что непосредственно профилактика интернет-зависимости не регламентируется данным законом, он затрагивает проблемы содержания и возрастных ограничений игрового контента. Например, согласно ст. 2 ФЗ № 436 под информационной безопасностью понимают «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

В целом деятельность по обеспечению информационной безопасности детей и в том числе профилактики кибераддикции, как в России, так и за рубежом имеет трехуровневую структуру, включающую государственные учреждения, общественные организации и физических лиц, непосредственно участвующих в обеспечении информационной безопасности детей. В современных условиях очевидной и важной является необходимость консолидации всех субъектов, участвующих в обеспечении информационной безопасности детства, поскольку проблему обеспечения информационной безопасности детей невозможно решить без скоординированного взаимодействия государства, социума и семьи.

Необходимо понимать, что российское законодательство в области профилактики киберзависимости находится на стадии своего становления. В отечественном законодательстве отсутствует само понятие компьютерная игровая зависимость, а использование более объемного термина интернет зависимость не позволяет учитывать специфические особенности проблемы и вызывает противоречия, поскольку зависимость от компьютерных игр возможна и без сети интернет. Нормативно-правовой анализ показал, что на практике профилактика интернет-зависимости сводится к обеспечению информационной безопасности детей и защите их от информации, путем формирования медиаграмотности, что конечно является основой санации кибераддикции, но без целенаправленной акцентированной работы не может принести должных результатов. Для эффективной профилактики киберзависимости необходимо создание универсального нормативно-правового акта, регулирующего основы пользования игровым контентом, устанавливающего возрастные категории и ограничения для детей, ограничивающего распространение и популяризацию компьютерных игр.

Библиографический список

1. В Минкомсвязи рассчитывают, что аудитория интернета в 2020 году должна достичь 100 млн. // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/8248747>
2. Янг К. С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24-29.
3. Дети в интернете: эксперты о цифровой жизни школьников и безопасности в сети // Официальный сайт Сетевое издание «События». Режим доступа: <https://sntat.ru/news/science/28-08-2020/deti-v-internete-eksperty-o-tsifrovoy-zhizni-shkolnikov-i-bezopasnosti-v-seti-5766354>
4. Резер Т. М. Здоровьесохраняющая технология в образовательном учреждении. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, 2002. 101 с.
5. Ермолова Т. В., Литвинов А. В., Флорова Н. Б. Компьютерная зависимость и компьютерная грамотность: две стороны единого процесса // Современная зарубежная психология. 2017. № 6 (4). С. 46-55.
6. Козырь Н. С., Астахов А. В. Индустрия видеоигр в современной отраслевой экономике // Regional Economics: Theory and Practice. 2017. №. 15 (5). С. 953-966.
7. Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // Официальный сайт «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/>
8. Калабихина И. Е. О реализации национальной стратегии в интересах детей // Вестник Московского Унта. Экономика. 2015. № 6. С. 58-80.

P. Popov

PREVENTION OF CYBERADDICTION IN YOUTH ENVIRONMENT: DOMESTIC EXPERIENCE AND FOREIGN INITIATIVES

Abstract

The article presents the results of research on media consumption and cyber threats to information security of children. A theoretical analysis of domestic and foreign practices for the prevention of cyberaddiction among young people has been carried out.

Keywords: addiction to computer games, cyberdiction, youth environment, prevention of Internet addiction, information security of children.